

и Мем. газета 1948, 23 абз.

ВСЕ ЧАЩЕ мы задумываемся о роли Л. Н. Толстого во всемирном художественном развитии, о значении для нашей современной культуры его необычайного духовного наследия да и самой личности, как ныне предстает она перед нами. Для нас Толстой наряду с Пушкиным и Достоевским давным-давно стал своего рода мерою вещей.

Удивительно в Толстом сознание общности со всеми людьми, что вообще свойственно всем великим художникам, но в нем оно чисто толстовское. И об этом должна идти речь. Он говорил о себе: «Я начал быть, но совсем начал, если бы до меня не было людей, разве я был бы такой же? Я произведение предшествующих людей, то, что составляет мое я, было прежде меня — оно будет и после меня».

Да, мы это чувствуем; оно есть в нас, Толстой вошел в наши сердца и души, как и все величайшие завоевания человеческого духа. Мы тоже — следствие того, что было прежде нас.

Истинное искусство всегда обязывало людей быть гражданами своего отечества. В особенности это свойственно нашему отечественному искусству. Но времена меняются. В нашем обществе конституционно закреплены за каждым человеком его гражданские права и обязанности. Теперь мы должны подтверждать их своей человечностью. Отсюда и вытекают особые задачи советской литературы. Следовательно, и особое отношение к своей предшественнице — к русской классической литературе, покорившей весь мир проникновением в человека и сострадание к человеку. С конца XIX века русский роман получил всеобщее признание как первенствующий во всемирной литературе. Разве можно себе представить крупнейших писателей нашего столетия, таких, как Томас Манн и Марсель Пруст, Эрнст Хемингуэй и Уильям Фолкнер, без воздействия на их творчество Толстого, Достоевского и других выдающихся русских романистов?

Высочайшее искусство не что иное, как осознание человеком своего подлинного человеческого предназначения. Люди всегда остаются людьми, а потому творчество гениального художника, когда бы и где бы он ни жил и ни творил, сохраняет свою актуальность. Только вечное искусство всегда современно, однако оно потому и вечно, что глубочайшим образом отвечало запросам своего времени.

Таковы и произведения Толстого, вообще все, что вышло из-под его пера. Читая его романы и повести, статьи и трактаты, письма и дневники, испытываешь такое ощущение, будто написавший их находится среди нас, рядом с нами. Слово бы он занят думою о наших делах, озобочен нашими заботами, встревожен нашими тревогами, но неизменно верит, что верх возьмет благоразумие. Зная человека и людей, лишь как знали это немногие на этой земле, он ничего от нас не утаивает, ибо его отношение к нам такое же, как и к самому себе. По вере в человеческий разум и благородство при бесподобном взыскательстве к людям с ним, я думаю, никто не может сравниться из гениальных художников мира.

Толстой как бы нечаянно обратился к писательству, он, так сказать, приступил к писательству, испытав неудачу на поприще практической деятельности. Затем, уже став знаменитым автором «Войны и мира» и «Анны Карениной», не раз отступал от писательства, заявляя, что оно не относится к самым важным человеческим делам. Пахал землю, сеял и косил хлеб, клал печи, тачал сапоги — иначе сказать, занимался теми же делами, что и крестьяне, жившие в Ясной Поляне, во всей России. Было бы нелепо думать, что он ставил эти свои дела рядом или выше своих писаний; разве ему не было ясно, что на пашне или на косье его смог бы заменить всякий, а за письменным столом — никто? Тут дело совсем в другом. По мнению Толстого, без приобщения к общечеловеческому труду, не будь которого люди и дня бы не могли прожить, даже самый гениальный художник или ученый не смог бы считать себя равным всем людям. А без этого, по Толстому, невозможно никакое истинное творчество. Еще и вот что: коли ты признаешь за непреклонную истину быть вместе с народом, так и докажи свою готовность делить с ним все радости и горести его бытия.

Толстой шел в народ не столько с целью учить и просвещать его, сколько с тем, чтобы самому учиться у него, трудиться вместе с ним. Правда, он завел у себя в усадьбе школу для крестьянских ребят, говорил, что научить Марфушку и Тараску писать и читать куда важнее, чем сочинять поэмы. Все это так. Но и в школе для него самое главное — сближение с народом. Так важно было ему проведать свое видение мира тем, как его видят Семка и Федька.

Ничего не скажешь — Толстой парадоксален. Но без этой парадоксальности не было бы Толстого. Он писал, порою принуждая себя к писанию, а то и открещиваясь от своих писаний. Он боялся показать себя смешным в глазах народа, занимаясь писанием. Но тем строже судил свои писания. Судил вплоть до осуж-

дения. Отказаться же от писания был не в состоянии. Не в силах был подавить своего писательского гения. И другое: разнообразная практическая деятельность, с одной стороны, отталкивала его от писательства, а с другой — отталкивала на писательство.

Во всех писаниях Толстого заметно, даже бросается в глаза, как он проверяет искренность своих практических намерений. С этого он, собственно, и начинается как писатель. А в результате искренности становится стержнем всей его художественной системы. Сначала эта мера применяется лишь к нему самому, потом и ко всем людям, каких он изображает. Он вникал в нас и с той целью, чтобы выявить, насколько мы сами вникаем в себя.

ТОЛСТОЙ пришел к художественному творчеству через дневник. Он начинает вести его на 19-м году жизни, с марта 1847 года. В свое время о его дневнике писали, что он был для него только литературной школой, только тренировкой литературного дарования. Было бы так, у нас не было бы основания относиться к дневнику Толстого как к самому достоверному свидетельству о формировании его личности и таланта. Надо принять во внимание

витии, и он вечно совершенствует сам себя, что должен делать и человек.

Это Толстой-утопист. Однако, поскольку отрицание всякого общества у Толстого относилось конкретно к обществу, основанному на неравенстве между людьми, его позиция сразу влекла за собой и реакционные выводы, и величайшие художественные открытия. Он отделял человека от общества, возвышая его над обществом, как преодолевшего все пороки в себе, привитые ему этим последним.

Перед Толстым в самом начале его литературного пути возникает задача изображения человека как бы самого по себе, неподвластного никаким обстоятельствам. Он называет свой первый замысел «Четыре эпохи развития»: детство — пора бездумно-любящая (каждый любит всех, и все любят каждого); отрочество — пробуждение самосознания и рефлексии, увлечение тренировкой ума, развитие которого, однако, расшатывает безотчетность веры в то, что в мире царят любовь и справедливость; юность — возникновение избирательного чувства дружбы и любви, мечты об идеальных планах собственной жизни; молодость — вступление в область духовной и практической деятельности,

нических отношений Толстому открылась поэзия и мудрость обитателей ее, таких, как Марьяна, Лукашка, дядя Ерощка. На впечатлениях от Кавказа были написаны много лет спустя после возвращения Толстого из армии «Кавказ». Тогда же, на Кавказе, ему было не до них. Я сказал, что «Отрочество» и «Юность» не стоят на уровне «Детства». Это легко понять. Величие Толстого — в духовных и нравственных исканиях его героя, близкого ему самому. Тогда как в детстве лишь просвечивали зачатки духовного и нравственного облика Николаеньки Иргеньева, в отрочестве, тем более в юности он пытается самоопределиваться, еще не располагая для этого достаточным опытом. Самому автору было тогда еще не ясно, за какое практическое дело ему взяться. Собственно, полной ясности в этом вопросе Толстой так никогда и не достиг. Со временем он достиг другого — решительности приступить к самым решительным делам, как и порываться с ними, когда убеждался в несостоятельности их. Этот драматизм человеческой судьбы Толстого и определил его писательский путь.

Крестьянская реформа на время внесла некий мир в

ранних дневниковых записях. Этот замысел поражает своей грандиозностью и смелостью, оригинальной верой и оригинальным знанием человека и человечества. Правда, истории известны случаи, когда намечались не менее широкие планы. Однако у толстовского плана одно громадное преимущество перед ними; Толстой хотел доказать его осуществимость на опыте собственной жизни. По его словам, «легче написать 10 томов философии, чем применить какое-нибудь одно начало в практике».

Раз, думал Толстой, им самим будет доказана реальность его замысла и идей, надо полагать, все остальное придет само собой. Но доказательства затян timer на десятилетия. Следствием их явились гениальные романы «Война и мир» и «Анна Каренина», как и масса других произведений, ставших гордостью нашей отечественной литературы. Бесконечные попытки Толстого практически осуществить идеал привели его к величайшему кризису в его духовном развитии.

ВТОЛСТОМ, говорил Ленин, определяя его значение в первую очередь для русской революции, «есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему». Это будущее для толстовского наследия давно наступило. Но оно непрестанно меняется, требуя от всякого данного исторического момента особого подхода к Толстому. С ходом времени Толстой по-разному предстает и перед глазами одного и того же поколения. Ныне он особенно близок нам своей верой в каждого отдельного человека, в его всеисильность — в смысле самопреобразования, как и преобразования окружающего мира. Я бы не сказал, что наше литературоведение при всех своих достижениях добилося больших успехов в восприятии Толстого как гения, живущего среди нас. Мы больше проабляем его общен историческим истолкованием. Между тем настоящее понимание великого человека, в особенности художника, означает не что иное, как способность ощутить всю его близость именно нам, именно нашему времени. Это не только не противоречит историзму, а, напротив, требует подлинного историзма.

При поверхностном взгляде на Толстого может показаться, что он — в стороне от важнейших общественно-исторических процессов своего времени. Он отстранялся от революции, от политики вообще, отмахивался от законов истории, пренебрежительно относился не только к материализму, а и ко всей целостной философской системе, пытавшейся объяснить поступательное развитие человеческого (например, к системе Гегеля). Казалось бы, Толстой вне основного русла общественной мысли XIX столетия. Так на него смотрели многие выдающиеся его современники. Лишь Ленин определил место Толстого как художника и мыслителя в движении человечества к его идеалу, установив особую связь Толстого с русской революцией.

XIX век отклонил абстрактный идеал, созданный «чистым разумом», указав, что разум бессмыслен вне постижения законов истории. Основное русло движения мысли в XIX столетии и есть критика прежних необоснованных теорий преобразования человеческого общества, одновременно и поиски новых, более обоснованных теоретических построений этого порядка. Мысль Толстого вливается в этот поток своим недоверием ко всякого рода отвлеченным системам. Толстой доводит эту критику до крайности, нередко до отрицания всякой теории, в особенности когда его собственные попытки соединить идею с практикой герметически крушение. На место теоретических построений ставит он эмпирическое поведение человека со всеми теми запросами, которые характеризуют его как принадлежащего именно XIX столетию. Этого человека Толстой и предпочитает всякой теории, веря, прежде всего в него самого, в его личность. Задачу века Толстой, по сути дела, возложил на самого себя и, значит, на своего героя.

Вторая особенность, наиболее характерная для мысли XIX столетия, — ее антикапиталистическая направленность, с установкой на всестороннее развитие человеческой личности. Действительно, социалистические системы в прошлом веке становятся преобладающими. Мимо них не проходит и величайший художник — Толстой и Достоевский. В Толстом-художнике, в его оценках современности нельзя не увидеть преломления социалистической мысли его времени. Я имею в виду прежде всего его идею о всестороннем развитии человека и человечества. Всестороннее развитие Толстой хочет достигнуть в первую очередь сам, как личность, и тем доказать практическую реальность этого пути для каждого. Герой Толстого развивается как человек XIX столетия, но именно как человек, значит, и как представитель всего рода человеческого.

Вот в чем, на мой взгляд, отличительнейшая и оригинальнейшая черта позиции Толстого как художника. Ныне он прочитывается в этом свете с такой ясностью, как никогда прежде. По этой причине мы чувствуем его близость к нам более остро, чем какое-либо предшествующее поколение.

К 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

ЖИВУЩИЙ СРЕДИ НАС

Б. БУРСОВ

и то, что с дневником Толстой не расставался в течение всей своей жизни. Если взять его более поздние дневники, то обнаружим, что и в них он не отступно следит за тем, с какой мерой честности и требовательности относится он к своему литературному труду, все-таки не единственному для него, да и не самому важному, как он часто думал. Стремится разобраться в том, насколько литературный труд соответствует его человеческим обязанностям, как он их понимает. Постоянно обнаруживает в себе как бы несовместимость человека и писателя, на многие десятилетия ставшую для него величайшей драмой — она осталась так и не преодоленной до конца его жизни. Человеческие обязанности свои он, разумеется, ставил неизмеримо выше своего писательства. Но временами порывав с писательством, тут же убеждался, что без писательства не в состоянии осуществить своих человеческих обязанностей.

Драма духа Толстого началась, как только этот дух осознал себя. Она переросла в величайшую драму его жизни. Со всем этим Толстой столкнулся еще в ранней юности своей.

«Я помню, — говорил Толстой уже в старости, — когда мне было лет 15, как бы открылась передо мною какая-то завеса, я почувствовал что-то необычайное во всей моей жизни. Весь мир представлялся мне в каком-то особом, чудном свете. Продолжалось это недолго, потому что люди, как всегда, постарались поскорее все это замалеть, иди что-то обычное и практическое, но помню хорошо, как это было все-таки чудно радостно. И вот почему я думаю, что такие моменты и все в них переживаемое не проходит даром для человека, что навсегда останется канвой, которую невидимый след...»

Так перед Толстым возникает проблема; я и все остальные люди. Потом она переплетается с другой проблемой, что такое я сам и в моих ли силах сделать меня другим, истинно созерцающим.

Толстой не сразу решился вступить в поединок с обстоятельствами, заметив свой разлад с ними, но и не сдавал на их милость. Начавшаяся гигантская работа его духа продолжалась, все время меняя свои формы.

Оставив университет, Толстой пытается установить справедливые отношения с крестьянами, чтобы не чувствовал себя виноватым перед ними. Утолическая идея лопнула. Жизнь преподнесла ему первый суровый урок. После этого срыва несколько лет он мечется между Ясной Поляной, Тулой, Москвой и Петербургом. То бросает дневник, то снова заводит его. Обсуждает в нем коренные проблемы духовного устройства человека, общественных отношений и даже всего миропорядка.

начало реализации выработанных к этому времени принципов собственного мировоззрения.

Первый же художественный замысел Толстого поражает своим почти библейским размахом. К нему, я думаю, вполне применимы слова Пушкина о «Божественной комедии» Данте и «Фаусте» Гёте: сами планы постижения этих произведений свидетельствуют об их гениальности.

Это вообще характерно для гениальных литературных произведений, что в их основу положены концепции, рассчитанные на художественное исследование продолжительных, мощных и результативных усилий человеческого духа или же значительных периодов в жизни народа и человечества. Всякий великий художник претендует на предвидение. Однако оно скорее является следствием углубления в то, что было и есть, чем непосредственным прозрением будущего. И это не случайно: история есть не что иное, как творчество, а творчеству чуждо предопределение.

Толстой придает своим характерам исключительную эмпирическую достоверность и нравочувствительность — не всегда позитивную, часто и негативную. Для центрального толстовского героя, от Николаеньки Иргеньева из «Детства» до Нехлюдова из «Воскресения», ценность имеет только та мысль, которую он может подтвердить своей личной деятельностью, а не эту последнюю смотрит как на осуществление идеала. В каких бы сферах ни разрывалась она. Естественно. Толстой придавал исключительное значение индивидуально-неповторимому человеческому опыту, непременно с нравственной подоплекой, и был убежден, что его нельзя передать чужими словами, невозможно вообще описать — он должен быть предстателем как таковой, во всей своей непосредственности. Это один из решающих пунктов поэтики Толстого. Для него характерно стремление снять (никогда не достигая этого) противоположность между идеалом и повседневной текущей деятельностью, которую оценивает не иначе, как с точки зрения осуществления идеала: с другой стороны, такая позиция вела к размытию грани между большими и малыми делами, всякое дело равно другому, как бы ни отличалось от него по своим масштабам, оаз оно является истинно человеческим делом. Наконец, и это в данном случае для нас самое важное, такой взгляд на человека и дело обязывал художника не рассказывать, что было с этим человеком, а поручать ему самому представлять самого себя, иными словами, обязывая художника буквально переселяться в героя. В результате Толстой входит внутрь нас самих как принадлежащих роду человеческому, сколь бы мы ни менялись и ни делались иными, чем прежде были.

КАК ПИСАТЕЛЬ Толстой возник на Кавказе. Работа его над «Детством» и военными рассказами перебивалась участием в боевых походах. В армии Толстой увидел в простых людях, чего не замечал прежде: их отношение к войне, как к любому человеческому делу, равно и величие перед лицом смерти, что их так резко отличало от большей части офицеров, выходящих из привилегированной среды, с извращенным пониманием жизни и человека. А в кавказской станице с отсутствием крепост-

толстовскую душу. Это позволило Толстому сначала написать «Кавказ», один из своих шедевров, потом и «Войну и мир», эпопею, равной которой нет во всемирной литературе нового времени. В ней, если сказать словами самого автора, слились в неразделенное целое генерализация, то есть колоссальные обобщения, и мелочность, то есть атомизация человеческой души — своей собственной, через любимых героев — князя Андрея и Пьера Безухова — и всякой другой. Толстой устанавливает амплитуду ее колебаний, почти невозможную.

Чтоб быть человеком, достойным этого звания, следует каждый раз действовать, считаясь с условиями, в которых ты находишься, и тогда твои усилия оказываются как бы выше их, во всяком случае не зависят от них, в результате тебе всегда будет удаваться быть самим собой.

«...Ты в нужде — работай, в тюрьме — думай, в богатстве — освобождайся».

Толстой не предписывает человеку никаких отвлеченных правил, кроме обязательного для всех нас правила оставаться человеком в любых обстоятельствах, сообразуясь с ними, но не подчиняясь им. Его наставления никак не связывают человека, не мешают его свободе выбора, потому что пробуждение в нем неукошительного желания действовать в согласии со своим предназначением дарует ему истинно человеческую инициативу. Она должна состоять в стремлении к добру, однако не к святости. Толстой решительно отклоняет эстетику и поэтику декадентов, утверждающих: «...для поэзии нужны крайности добра и крайности зла... без этого нет поэзии... стремление к одному добру уничтожает контрасты и потому поэзию». «Напрасно они беспокоятся, — пишет Толстой. — Это так сильно — это весь фон — что оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно все затанет, будет одно зло, и не будет контраста. Даже и зла не будет — будет ничего. Для того, чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами стремиться к добру».

Утверждение добра, которое будто само по себе является полным отрицанием зла, — мера, явно недостаточная для борьбы со злом, ибо зло активно, ему даже присуще стремление выдать себя за добро. В Толстом всюду ощущима некоторая однобокость в понимании и в оценке человеческих деяний. И если я говорю, что «Толстой внутри нас», то имею в виду и те наши качества, которым мы в соответствии с нашей человеческой природой потакаем — вместо непримиримости к ним.

Кажется, о Достоевском как-то было сказано, что он соединяет в себе эдем и бедлам. Слова меткие, хотя, конечно, их нельзя признать сколько-нибудь достаточной характеристикой Достоевского. Но, как бы там ни было, в сравнении с Достоевским Толстой — сплошное благообразие. Тем не менее по противоречивости своих общих установок с ним нельзя поставить рядом и Достоевского. Он много ближе к самой реальности нашего исторического бытия. Тогда как Достоевский назвал свой реализм фантастическим, реализму Толстого свойственно проникновение в самую сердцевину процессов, характеризующих русское действительное его времени.

Жизнь Толстого и его творчество — это как бы единый замысел, возникший еще в его

...отражает их живую, непреходящую ценность. В чем же видится нам сегодня суть этих открытий, что нового, значительного внес Толстой в русскую и мировую литературу?

Истоки и сущность мирового значения Толстого пронизательно раскрыл В. И. Ленин. Он отмечал, что писатель «... сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Это эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Встреча великого художника с переломной эпохой большого исторического значения оказалась на редкость подотворной. Известно, что в социальном развитии России второй половины XIX и начала XX века в сконцентрированном виде раскрывались многие из тех острейших противоречий, которые в разных своих формах были свойственны многим другим странам. Поэтому обращение к глубинным процессам развития русской действительности приобретало мировое звучание.

Различными сторонами своего необыкновенного дарования Толстой был близок и даже конгенитален некоторым важнейшим тенденциям эпохи с ее динамизмом, стремлением выявить «всеобщие» начала жизни. Писатель обладал замечательной способностью видеть, чувствовать движение жизни в ее разнообразии, многокрасочности, умением передать ее напряженный ритм, органические переходы, перемены и неожиданные повороты, крупные смещения. В то же время Толстой был склонен рассматривать явления действительности, поступки людей, их духовный мир с позиций общих начал человеческого бытия. В разные периоды жизни писателя эти две особенности его мироощущения неодинаково сочетаются друг с другом, но всегда остаются характерными для него.

Внутренняя близость писателя к некоторым тенденциям эпохи, разумеется, не означает, что Толстой был склонен к принятию всех процессов действительности, к примирению с господствующими веяниями времени. Как раз наоборот. Глубокое ощущение движения жизни, назревших перемен в самых ее основах и явилось источником бунта писателя против главенствующих политических, философских идей, нравственных воззрений, его решительного отрицания коренных установлений дворянско-помещичьего, буржуазного социального порядка.

Жизнь в ее характерных проявлениях была в центре внимания писателей-реалистов разных эпох. Реалистическое искусство XIX века привнесло в изображение действительности, ее изменений отчетливо осознаваемый принцип историзма, получивший в произведениях видных писателей неодолимое значение. При этом часто в качестве важнейшего критерия оценки самой действительности выдвигались социальные устремления личности, ее духовные запросы. Опираясь на традиции своих предшественников, Толстой существенно обогатил художественный метод реализма. Он широко раскрыл взаимодействия между движением жизни и развитием человека. Высокая цена самобытности личности, писатель отнюдь не обособлял духовные искания индивидуума

произведениями других писателей XIX века, и прежде всего Бальзака, в творчестве которого, пожалуй, с наибольшей силой проявилась склонность к эпическому охвату действительности. — между ними есть и весьма существенные различия.

М. Б. ХРАПЧЕНКО

ЛЕВ ТОЛСТОЙ:

Если творчество Бальзака можно охарактеризовать как эпос состояния общества, то произведения Толстого — это эпос развивающейся жизни. Но откуда, собственно, это следует? — может возникнуть вопрос. Ведь хорошо известно, что романы французского писателя насыщены стремительным действием, описаниями острых конфликтов, столкновений, борьбы, всякого рода метафороз в судьбе людей, социальных перемен. В произведениях же Толстого немалое место занимает освещение неподвижной жизни, равно как и стремлений некоторых героев к тому, чтобы она оставалась неизменной.

Все это так. Однако суть вопроса этим отнюдь не исчерпывается. Дело в том, что внутренняя динамика, свойственная романам Бальзака, развертывается в рамках уже во многом сложившихся человеческих, социальных отношений. Основная тенденция жизни, ясно выстулавшая в различных формах, состояла тогда в неуклонном укреплении буржуазных отношений. Бальзак тщательно анализирует анатомию и физиологию нового социального организма. Он рисовал волюне или невольное приспособление человека к сложившемуся порядку вещей, практическое и духовное его освоение. Писатель стремился к тому, чтобы рельефно очертить как общий «профиль» этого порядка, так и самые различные образующие его начала, то есть стремился отобразить состояние общества.

По-иному воспринимал и изображал жизнь Толстой. Его литературная деятельность развивалась в период нарастающего глубокого кризиса социальных отношений. Назревание народной, общедемократической революции в России было одним из рельефных выражений крупных сдвигов в общественном развитии. Все более широко и отчетливо осознается необходимость коренных социальных изменений. «Наша цивилизация — одна из многих, она идет к концу. Надо начинать с нового пути», — это высказывание Толстого, относящееся к 1905 году, отчетливо обнаруживает его тогдашнее отношение к социальной действительности. Естественно, оно сложилось не сразу. Однако идеи обновления мира, преобразования человека созрели и получили воплощение в его произведениях довольно рано. Раскрытие настоящего сопротивления стоящих героев тем обстоятельствам, которые затрудняют явление их духовного «я», их поиски справедливых основ

нх человеческих стремлений и чувств, и жизнью искусственной, подчиненной предрассудкам, лишенной сколько-нибудь значительных человеческих интересов, застывшей в своей инертности. «В числе бесчисленных подразделений, — писал Толстой, — которые можно сделать в явлениях жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие — в которых преобладает форма». Господство формы и означает застой, неподвижность. Именно эти черты и отнынены в картинах, рисующих петербургскую знать, привилегированные верхи общества. Но они свойственны не только этой среде. По мысли писателя, приверженность к форме, следование ложным канонам точно так же, как и особенности подлинной жизни, могут проявляться и проявляются в различных социальных сферах.

Во втором томе «Войны и мира» Толстой писал: «Жизнь между тем, настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте, и вне всех возможных преобразований». Разграничение не схожих между собой «подразделений» жизни имело для Толстого реальное значение не только с точки зрения художественного познания многообразия действительности. Оно выявляло и его собственное отношение к ее неоднородным процессам.

В поздний период своего творчества Толстой предпочитал иной принцип разграничения. Он писал о том, что привилегированные слои общества ведут праздную, жестокую, несправедливую жизнь, которая основана на нищете, обездоленности простых людей. Ей писатель противопоставлял жизнь, в которой определяющая роль принадлежит стремлению к добру, правде и справедливости. Вместе с тем Толстой не отказывался и от признания важного того разграничения явлений действительности, которое он устанавливал в «Войне и мире». Омертвляющее воздействие формы, светских приличий, обрядов писатель с огромной художественной силой охарактеризовал в «Смерти Ивана Ильича». Стихийная сила жизни в ее сложности и противоречивости стала объектом изображения в повести «Хаджи-Мурат».

МИР И ЧЕЛОВЕК

Мыслящих героев Толстого волнуют проблемы предназначения человека, его места в мире: каждый из них пытается найти свои ответы на эти вопросы. Обширен спектр их духовных исканий, временами принимающих драматический характер. Толстой решительно избегает однолинейных решений, одноокрасного освещения жизненного пути своих героев. Не дает он и окончательных оценок тех выводов, к которым они приходят в процессе напряженных, мучительных раздумий. И делает это писатель подчас вопреки некоторым собственным идеям, высказанным в публицистических работах.

В поисках истинных человеческих ценностей Андрей Болконский и Пьер Безухов как бы примериваются к тому, что часто признается значительным или даже наибольшим благом. Они испытывают на себе внешнюю привлекательность различных жизненных возможностей, постигают их реальное значение. Путь этих героев — своеобразная, и притом строгая, проверка «общепризнанных» ценностей.

Подвижность, богатство жизни — и ее застойность, люди, стремящиеся понять мир, прояснить для себя большие проблемы человеческого существования — и носители рутинной, заскорузлого догматизма, «беспокойные» герои — и активные защитники несправедливого социального порядка находят себя в произведениях Толстого в частых соприкосновениях между собой и в постоянной внутренней коллизии. Художник, глубоко чувствовавший динамику действительности, был непримиримым противником доктринерства, духовной косности, казенно-бюрократического мышления.

В строгие рамки «приличий», служебных установлений заключена жизнь процветающего Ивана Ильича. Он твердо уверен в том, что ему в его деятельности крупного чиновника надо «...исключать все то сырое, жизненное, что всегда нарушает правильность течения служебных дел: надо не допускать с людьми никаких отношений, помимо служебных, и повод к отношениям должен быть только служебный и самые отношения только служебные».

Подобная отрешенность от реальной жизни соединяется у Ивана Ильича с равнодушием, пренебрежением к человеку. У активных же защитников несправедливого социального порядка, таких, как барон Крисгмут, Топоров, Вольф, Масленников — действующих лиц романа «Воскресение», — стремление задержать развитие жизни сочетается с повседневной жесткостью, ставшей нормой их самопроявления. Они непроницаемы для живых человеческих чувств, для человеческих драм, свидетелями и виновниками которых они являются.

При всей той внешней силе, которой обладает косное,

мозное влияние не только на мировую литературу, но и на другие виды искусства, в том числе и на кинематограф, мощный рост которого начался еще при жизни писателя.

Взаимпроникновение этического и психологического в прозе Толстого имеет своим источником, во-первых, то аналитическое освещение явлений действительности, которое связано с духовным их освоением героями произведений. С другой стороны, взаимпроникновение это — результат многогранного раскрытия воздействий жизни, событий — больших и малых — на духовную жизнь человека. Но так же как этическое действие у Толстого нередко развивается вне непосредственного восприятия его героями произведений, так и течение психических процессов, внутренняя «духовная работа» часто имеют самостоятельный характер и не зависят от прямых влияний внешней среды.

Крупнейшим творческим достижением писателя является раскрытие самих процессов духовного роста человека, его обновления. Следует сказать, что развитие личности находилось в центре внимания многих замечательных мастеров реалистического направления, сумевших создать крупные художественные обобщения, рисующие многообразный духовный облик людей разных эпох, их мысли, чувства и дела. Преобладающей чертой реалистической литературы XIX века, особенно его первой половины, было изображение законченных, жизненно и художественно убедительных характеров. В своих важнейших началах развитие личности как раз и заключалось в формировании и самоопределении характера, в постепенном выявлении его типических свойств.

Такого рода законченные характеры занимают значительное место и в произведениях Толстого. Однако он идет дальше, расширяя и углубляя свою художественную задачу. Писателя особенно привлекало искусство описания людей, не останавливающиеся в своем развитии, в своем движении вперед, люди, переживающие духовный перелом, те, кто как раз и нарушает логику несбылему сформировавшихся характеров.

«Одно из самых обычных и распространенных суеверий, — писал Толстой в «Воскресении», — то, что каждый человек имеет один свои определенные свойства, что бывает человек добрый, злой, умный, глупый, энергичный, апатичный и т. д.». Однако в действительности человек обычно обладает разными качествами. «Люди как реки: вода во всех одинакая и везде одна и та же, но каждая река широкая, узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою». В этих суждениях высказана, в сущности, очень важная часть творческого credo Толстого. Писатель убежден в том, что натуре человека присуща пластичность, способность к духовным переменам. Отрицая принципиальную и всеобщую замкнутость характеров, он подчеркивал то обстоятельство, что, духовно изменяясь, человек часто оказывается не похожим на себя прежнего и одновременно сохраняет свою единственность.

Но этим вовсе не ограничиваются исходные принципы

художественного возрождения, раскрывая эволюцию характеров.

Писатели-романтики в своей обрисовке преображения человека исходили из стихийной заразительности добра, притом добра в его наиболее сильных, впечатляющих проявлениях. Именно в таком духе В. Гюго в романе «Отверженные» освещает преображение преследуемого обществом каторжника в человека высоких нравственных качеств. Иногда писатели-реалисты первой половины XIX века, например Диккенс, изображали раскаяние закоренелых негодяев под влиянием угрызений совести либо рисовали людей больших духовных, моральных достоинств, стоящих в стороне от

основного потока жизни. Однако все это раскрывалось преимущественно как исключение из общего порядка вещей.

Для Толстого обновление, возрождение человека — не эпизодическое явление, не исключение, а назревшая глубокая общественная и духовная потребность, обусловленная тем состоянием, в котором находится теперь мир, человечество. Преобразование личности, человечества в целом означает прежде всего освобождение людей от сумасшествия эгоизма, которым охвачено современное общество. По мнению Толстого — это одновременное путь к преодолению пороков, несправедливости, рожденных собственностью, властью имущих. И именно поэтому, что духовное обновление человека — веление самой жизни, оно неотделимо от ее движения, ее противоречий, которые часто оказывают на человека неотразимое воздействие.

В отличие от многих своих предшественников Толстой считал несомненным, что крупные перемены в духовной жизни людей могут происходить и происходить только тогда, когда они захватывают глубины человеческой психологии.

В произведениях Толстого мы находим тончайший анализ всего сложнейшего комплекса чувств, переживаний людей, их мыслей и решений, начиная от элементарных эмоций и кончая самыми высокими стремлениями и порывами ума и сердца. Этот комплекс в изображении писателя выступает единым, целостным и в то же время весьма противоречивым. Каждый элемент его не только «соседствует» с другими, но находится с ними в динамическом взаимодействии. Этим и обусловлено то свойство душевной жизни, которое столь объемно и замечательно раскрыл Толстой, — чувства разных «тональностей» чаще всего возникают не в своем чистом виде, а в сплетении с другими эмоциями и переживаниями, и не только родственными, но и неоднородными. Свойство это по своему сказывается и в становлении более широких и более устойчивых образований, в том числе и различных черт человеческого характера. Одновременно с тем писатель с поразительной проницательностью характеризовал само течение душевных процессов, переходы от одних переживаний к другим, столкновение не схожих между собой чувств и т. д.

Огромное значение имеет образное открытие Толстым многослойности внутренней, духовной жизни человека. Притягательно наблюдая проявления чувств, побуждения, поступки множества людей, изображая различных по своему складу действующих лиц, писатель установил: психические процессы вовсе не ограничиваются тем, что осмысливается самим человеком, входит в сферу его сознания. Многие из этих процессов протекают в подсознательной области. И само осмысление личности своего внутреннего «я» неоднозначно, наблюдаются неодинаковые степени осознания душевных движений.

Таким образом, в развитии психических процессов существуют разные уровни, кото-

рые в своем развитии и развитии и глубокой изображает он переломные моменты в духовной жизни своих героев, сдвиги, повороты, знаменующие важные ступени их духовного роста, а нередко и коренные изменения в отношении к миру. Таков путь внутреннего развития, духовного возмужания Оленина Безухова, Болконского, Левина, Вронского, Катюши Масловой и других толстовских героев.

Различные по своим истокам, по своему характеру, повороты в духовной жизни этих героев в изображении Толстого глубоко органичны, не заключают в себе никакой преднамеренности. И хотя нередко для самих действующих лиц они происходят как будто

неожиданно, вдруг — в развитии повествования события эти убедительно подготовлены. И дело здесь не во внешней мотивировке, а в глубинном течении всего рассказа, в выразительном раскрытии противоречий внутреннего «я» героев, изменений их отношения к окружающей действительности.

Духовный рост человека — по мысли Толстого — не мигает с длительными остановками и перерывами, он не терпит завершенности, самодовольных итогов, ибо завершенность этого рода чаще всего означает прекращение роста, отступление. Духовное развитие личности, считал Толстой, может и должно быть непрерывным.

Художественные обобщения Толстого, с удивительной силой раскрывающие глубинные процессы внутреннего преобразования человека, отчетливо показывают всю неопределенность теории о неизменности человеческой природы, об известной склонности человека к жестокости, порокам, злу, теорий, которые с такой изощренностью эксплуатировались и по сей день эксплуатируются буржуазными идеологами, современным коммерческим искусством.

НРАВСТВЕННАЯ ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ

Еще в начальный период творческой деятельности Толстого Чернышевский отметил в качестве существенной особенности его произведений чистоту выраженного в них нравственного чувства, ясность и непосредственность этических критериев. С течением времени роль нравственного начала в художественных сочинениях писателя возрастала. И это естественно. Та широкая переоценка социальных, философских, эстетических ценностей, которая развертывается на страницах его крупнейших произведений, жившим образом касалась и этических норм, принципов, существовавших в обществе его времени. В более поздний период (восемидесятые — девяностые годы), когда перед Толстым остро встал вопрос — так что же нам делать? — нравственные проблемы заняли одно из важнейших мест в его творчестве. Их освещение переплетается с критикой аморальности и цинизма, процветающих в дворянском, буржуазном обществе. В тот же период писатель развивает и энергично пропагандирует в своих публицистических статьях идеи нравственного совершенствования людей как средства переустройства общества, как единственного способ устранения социального зла, обновления мира в целом.

Идеи эти были и остаются утопическими. История доказала, что без коренного преобразования структуры общества, без решительного изменения условий жизни народа невозможно устранение социальной несправедливости, общественных пороков.

Иным становится положение в условиях социалистического строя — после революционного переустройства общества. Воспитание нового, социалистического человека, всесто-

пиднейшего общему благо, объединению людей: нас увлекает высокая правда созданных им образов, отражающих стремление к нравственной чистоте. Нравственная взыскательность, раскрывающаяся в лучших произведениях Толстого, свободна от какого-либо идущего извне дидактизма, холодного морализирования; она чаще всего выступает как требование, подсказанное развитием человеческих отношений. Голос жизни сливается тут с голосом разума.

Взяты вместе, в их единстве важнейшие свойства творчества Толстого имели своей опорой не только непрерывное развитие жизни, но и те требования, которые выдвигались ею, требования, чутко воспринятые великим художником. Важнейшее значение в освещении глубинных процессов действительности имело то новое отношение к жизни, которое сформировалось у Толстого в период подготовки революции 1905 года — первой народной революции XX века. Хорошо известно, что литературной деятельности Толстого были свойственны сложные и острые противоречия. Но при всех его противоречиях основным пафосом его творчества было преобразование мира и человека.

Ссылаясь на некоторые идеи публицистических работ писателя, в том числе на идеи противопоставления злу насилием, исследователи его творческого наследия иногда пишут о пассивности как определяющей черте его мироощущения и творчества или даже заявляют о культе пассивности в его сочинениях. Исследователи эти упускают из виду тот весьма важный факт, что идеи непротивления злу насилием развивались Толстым в пору, когда его обличение социальной несправедливости достигло особого напряжения, когда он подвергал сокрушительной критике устои буржуазно-дворянского общества. Да, писатель считал неверным бороться со злом посредством насилия, но отсюда вовсе не следует, что он защищал примирение со злом. В разные периоды своей творческой деятельности Толстой выступал с горячим протестом против самых разнообразных, видов духовного обмана и порабощения, социального угнетения народа, подавления и унижения личности. Очевидно, что такое отношение к действительности предстает собой ярчайшее выражение активности художника, его творчества.

Однако эту активность было бы совершенно неправильно видеть лишь в обличении и протесте. Не менее сильно она проявляется в страстном утверждении Толстым новых отношений между людьми, в его нравственной требовательности, в высоком гуманизме.

Гуманизм Толстого необычайно богат по своему содержанию. Он ярко обнаруживает себя всякий раз, когда писатель затрагивает в своих произведениях животрепещущие проблемы жизни человека и человечества. Толстой был свойствен широким взглядом на взаимоотношения личности и народа, людей различных стран. Он выступал страстным защитником равноправия всех наций, поборником мира и дружбы между народами.

В своей творческой деятельности Толстой неизменно ставил перед собой большие общественные цели, стремился к тому, чтобы понять и выразить народные думы и стремления. Писатель неоднократно заявлял о том, что он с детства любил русский народ. С течением времени Толстой все яснее и глубже осознавал свое великопородное и вместе с тем трудное призвание быть, по его собственным словам, адвокатом стомиллионного народа. «Всем, — писал он, — что содействует или может содействовать его благо, я сорадуясь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую».

Толстой сордавался благо не только русского народа, народов нашей страны, но и других наций, особенно угнетенных наций Востока. Произведения его, несущие в себе бесценное содержание, высокие гуманистические идеи, образные ко всем народам света, находят сегодня горячий отклик в сердцах читателей самых разных стран и наций. Они будут волновать людей всегда, волновать своей неувядающей правдой, правдой человеческих чувств, стремлений, красотой и совершенством своих художественных образов.